

М. Я. СЮЗУМОВ

ВАСИЛИКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Проблема использования Василик как источника для истории Византии давно привлекает к себе внимание как зарубежных, так и советских исследователей. Многие в отношении этого памятника остаются еще неясным. Нам неизвестна дата обнародования Василик. Мы не знаем точно их первоначального текста. Спорной является и основная цель составления этого свода законов. Совершенно ясно только одно: речь шла о рецепции юстинианова права. Однако спорно, были ли Василики только систематизацией юстинианова права для облегчения пользования им или же их составление было попыткой «очищения» законодательства от устаревших законов — *ακαθάριστος τῶν παλαιῶν νόμων*...

Основным является вопрос, были ли Василики действующим правом в Византии с конца IX в. или же действующим правом являлись *Corpus juris* Юстиниана и его новеллы? Разумеется, если признать, что Василики были только пособием для более легкого использования юстинианова права, только систематизированным пересказом положений Дигест, Кодекса и новелл, то в таком случае вряд ли возможно вообще говорить о Василиках как источнике для истории Византии IX—X вв.

В напечатанной выше статье А. П. Каждан присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают, что Василики представляли собой только изложение юстинианова права, которое продолжало оставаться действующим правом.

Авторы, придерживающиеся этой теории, приводят в качестве аргументов ряд высказываний юристов того времени. Но эти высказывания свидетельствуют только о том, что юристы XI—XIII вв. при научном изучении права обращались к его источникам. При наличии всех таких ученых рассуждений нельзя, однако, упускать из поля зрения главного: имеются самые категорические утверждения источников, что Василики, и притом только *Василики*, были единственным имеющим силу закона сводом, что не юстиниановы книги, а переработка их в конце IX в. являлась изложением действующего права в Византии. Например, Книга эпарха прямо вменяла в обязанность табуляриям знать 40 титулов *ἐγχειρίδιον νόμου*, т. е. Прохирона, и 60 книг Василик¹. Это являлось подлинным руководством для юристов того времени: для оформления всяких актов гражданского состояния требовались нормы, зафиксированные в *переработан-*

¹ Книга эпарха, I, § 2. То обстоятельство, что в рукописи слово *Βασιλικῶν* приводится вместо слова *βιβλίον*, не имеет значения, так как слово *βιβλίον* могло относиться только к Василикам. См. J. Nicol. *Le livre du préfet*. Genève, 1893, p. 14, n. 18—19.

ном юстиниановом праве. Имеются самые недвусмысленные указания на то, что *Василики отменили* действенность юстинианова свода и новелл, что юстинианово право считалось применимым лишь постольку, поскольку было принято *Василиками*, и лишь в той редакции, которая была допущена в *Василиках*. Так, в толковании на 2-й канон Пятошестого Трулльского собора Вальсамон указывает, что в XII в. пользование номоканонем 50 титулов *запрещалось*; при этом причиной запрещения он приводит то обстоятельство, что в номоканоне 50 титулов имеются ссылки на те новеллы Юстиниана, которые не вошли в *Василики* и поэтому потеряли силу. В этот номоканон включены были и некоторые другие законы из Кодексов и Дигест, не вошедшие в *Василики*, поэтому он мог казаться более богатым по содержанию «вследствие многословия». Но так как официально признавалась именно сокращенная редакция юстинианова права, Вальсамон прибавляет, что «многословные» книги являются опасными и подлежат уничтожению, хотя он и видит их у многих достойных уважения людей. В 66-й новелле Мануила Комнина указывалось на необходимость использовать в судебной практике только *Василики*². В Пире в основном использованы статьи *Василик*, но не тексты юстиниановых книг. В свете всех этих данных нет никаких оснований отрицать тот факт, что именно *Василики*, а не *Corpus juris civilis* были действующим правом Византии.

Разумеется, положения *Василик* не могли в основном отличаться от юстинианова права. Самый факт издания Прохирона и *Василик* был актом рецепции этого права в возможно неприкосновенном виде. Бурные времена, наступившие в Византии с начала VII в., подорвали торговое значение Константинополя и других византийских городов. Это и привело к тому, что право, основанное на принципе незыблемости частной собственности и соответствующие потребностям товарного хозяйства в городах, стало забываться. Только в середине VIII в., когда торговое положение Византии укрепилось и когда земельные отношения в некоторой мере стабилизировались, понадобилось возвращение к юстинианову праву. В предисловии к иконоборческой Эклоге прямо отмечается, что она составлена потому, что законы предыдущих императоров, изложенные во многих книгах, совершенно забыты, особенно вдали от Константинополя³. В IX в., в связи с дальнейшим укреплением международных торговых связей и товарного производства, особенно после подавления павликианского восстания, потребность в рецепции юстинианова права делается еще более настоятельной. Василий Македонянин энергично проводил эту политику. Создается Прохирон, который в большинстве случаев полностью черпает свои положения из юстиниановых книг. Составляется Эпанагога. Целая плеяда юристов работает над воссозданием действенности старинных норм права. Появляется вполне заметная тенденция считать необходимым полный переход на юстинианово право без каких бы то ни было ограничений. Император Лев VI (и фактически Стилиан) должен был сдерживать слишком прямолинейное рвение поклонников «старинных законов». В новелле 24-й он писал: «Многие, которые преклоняются перед старинным временем, желают в устройстве общества (τῶν πραγμάτων τάξεως τε καὶ κατατάξεως) отдавать предпочтение ему (т. е. порядку старинного времени. — М. С.). Но я, признавая, что старинные порядки во многом превосходят современные, тем не менее считаю, что в некоторых случаях старинные порядки уступают новым. Далеко не мало таких случаев, в которых необходимо отдавать предпочтение порядкам нового времени». Это было сказано в связи

² Jus, III, p. 463.

³ Collectio librorum juris G.-R. ineditorum, Lipsiae, 1852, p. 11.2—6.

с частным вопросом об усыновлении, но рисует общую обстановку при составлении Василик. Пока у власти находился энергичный Стилиан, правительство Льва, по-видимому, следило за работой кодификационных комиссий юристов, работавших под руководством протоспафария Симватия. Однако после смерти Стилиана и после разгрома его окружения законодательная деятельность Льва VI почти прекратилась, так как император, будучи занят острой борьбой с церковной оппозицией, потерял интерес к законодательному творчеству. Изданные книги Василик не переделывались даже в том случае, если находились в противоречии с новеллами императора.

При исследовании вопроса о роли юстинианова права в средневековой Византии нельзя отвлекаться от некоторых особенностей развития византийской юридической науки. Дело в том, что сущность юридических исследований заключалась тогда в изучении источников Василик — Дигест, Кодекса. Юристы стали находить текст Василик слишком кратким. Они разъясняют теперь текст закона приведением дословного перевода Дигест, замечают отсутствие некоторых статей в Василиках. Желая показать свою ученость, они приводят в примечаниях даже такие положения, которые были устарелыми уже при Юстиниане, и снова переводят греческую терминологию на латинскую. Появилось направление своеобразного юридического пуризма, стремление воспроизводить юстинианово право *дословно и без пропусков*, причем разницу между юстиниановым правом и Василиками стали приписывать не сознательному акту составителей свода, но их невежеству⁴. В Византии с середины XI в. начинается такое же преклонение перед авторитетом Юстиниана, какое существовало и в средневековых университетах Запада, и такое же преклонение перед древними авторами, какое было в Италии кватроченто.

Создание Василик было делом сложным, нелегким и требовало много времени. Мы не знаем точно, когда закончена была работа кодификационных комиссий, можно только предположить, что она проходила в тот же отрезок времени, когда император Лев работал над редактированием своих новелл (из 115 новелл Льва VI только 11 могут быть отнесены ко времени после смерти Стилиана). Однако установить соотношение этих новелл с составлявшимся в то же время сводом очень трудно. Так, есть книги Василик, текст которых свидетельствует о том, что они составлялись *после* издания некоторых новелл Льва. Об этом, в частности, говорит невключение в Василики разделов о курiales и о сенатусконсультах. К такому же выводу можно прийти, если сопоставить новеллу № 52 с текстом 18-го титула 54-й книги Василик, в которых речь идет о приеме монет с изображением прежде царствовавших императоров. Согласно Cod. Just., XI, 11, 1 и 3, такие монеты должны были приниматься наравне с монетами новой чеканки. В новелле 52-й Лев VI негодует, что этот старинный справедливый закон почему-то отменен последующими императорами, и требует восстановить в действии старый закон. Данный закон и помещен в Василиках (54, 18). Совершенно, следовательно, ясно, что текст 54-й книги составлен после новеллы 52-й. Или еще один пример: отец Льва VI — Василий — включил в Прохирон⁵ закон, запрещающий взимание процента. Вопреки

⁴ Вполне можно предположить, что известный справочник Патдеса Τυπούχαιτος, помещающий заголовки статей, которые отсутствуют в сохранившихся списках Василик, но зато соответствуют расположению статей в Дигестах, отражал не первоначальный текст Василик, а именно это понятное для ученых юристов того времени стремление к чистоте передачи текста юстиниановых книг.

⁵ Prochiron, XVI, 14; ср. K. E. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Leipzig, 1892, S. 301.

этому закону, Лев VI в новелле № 83 приказал ввести в действие положения о процентах согласно старинным законам: καθὼς τοῖς παλαιότεροις ἐδόξε νομοθεταῖς. В результате в Василики полностью включено разрешение брать проценты применительно к Cod. Just., IV, 32, 26 (528 г.) (Basil., 23, 3, 74). Лев считал закон Василия, запрещавший брать проценты, «прекрасным», но прибавил, что «природа человека не достигла той высоты, на которой находился данный закон», т. е., другими словами, закон Василия не соответствовал потребностям действительности, а старинный закон Юстиниана более подходил к жизненным условиям конца IX в. Поэтому можно считать, что данное место Василик принято после издания новеллы 83-й. Но в других случаях можно отметить обратное соотношение новелл Льва VI и Василик. Так, в схолиях, главным образом в книге 60-й, указан ряд случаев, когда содержание новелл Льва VI отменяло положения Василик. Можно было бы предположить, что 60-я книга Василик, в которой помещены положения о наказаниях за различные проступки против личности и против имущества, т. е. как раз те казусы, которые больше всего интересовали судей, обнародована была раньше некоторых других книг и поэтому изменения законов в нее не успели попасть. О том, что новеллы Льва VI отменяли некоторые положения Василик, говорит и Вальсамон. У него речь идет главным образом об отмене некоторых положений новеллы Юстиниана № 123, помещенной в Василиках (3, 1, 28 и 4, 1, 6).

Лоусон⁶, а за ним и А. П. Каждан, исключительно важное значение придают тому обстоятельству, что составители Василик не сами переводили Дигесты, но пользовались переводами и сокращениями, сделанными юристами VI в. Однако странно было бы при наличии готовых переводов не пользоваться ими. Попутно следует отметить, что это наблюдение Лоусона отнюдь не является чем-то новым в изучении византийского права. Уже Цахариэ указывал, что в основу Василик легли старинные индексы, составленные юристами VI в.⁷ А. П. Каждан настолько дал себя увлечь доводами Лоусона, что считает Василики только компиляцией из трудов правоведов VI в. (см. стр. 59). Но можно ли говорить о полной несамостоятельности составителей Василик? Выводы Лоусона построены на чрезвычайно узком и случайном материале. Можно привести массу примеров, показывающих, что при подготовке Василик учитывалось положение конца IX в. Уже одно то обстоятельство, что в новом своде выпущены были положения о куриалах и сенатусконсультах, говорит о некоторой независимости Василик от законов VI в. В книге 6-й Василик функции префекта претория и городского эпарха помещены в одной главе и смешиваются: очевидно, это произошло потому, что должности префекта претория уже не было, а его функции частично перешли к городскому префекту. В текст новеллы Юстиниана, помещенной в Василиках (Nov. 71 = Basil., 23, 4, 47), слово «иллюстрий» заменено словом «протоспафарий». Во многих постановлениях, относившихся в свое время только к Египту, слово «Египет» вычеркнуто, т. е. их действие распространено на всю территорию империи (Basil., 60, 55, 1 = Cod. Just., IX, 5, 1). Может быть, кто-либо в будущем и проделает сизифов труд и отметит все случаи, когда составители Василик заменяли старинные термины более новыми. Однако этого и не требуется. Мы знаем, что не все положения юстинианова Кодекса включены были в Василики. Следовательно, отбор был.

⁶ F. Lawson. The Basilica, I. Law Quarterly Review, 1930.

⁷ K. E. Zachariä von Lingenthal. Op. cit., p. 22.

Но к Василикам нельзя подходить с требованиями, которые можно предъявить новому закону. Василики были только сводом действующих законов. Ведь составление такого свода и заключается только в том, что неприемлемые законы не включаются в свод, а включаются лишь те, которые так или иначе, хотя бы при переосмысливании, могут быть применимы на практике. Законодательной деятельностью юристы, работавшие над Василиками, не занимались, так как законодательной властью не обладали. Они могли только на основании директив императора, обладавшего в то время полнотой законодательной власти, включать или не включать в новый свод те или иные законы из юстинианова права или Прохирона.

Но что правительство Льва действительно стремилось так пересмотреть, очистить законы, чтобы приспособить их к потребностям текущей жизни, в этом не может быть никакого сомнения. Так, в 19-й новелле Льва мы читаем: «Не для того, чтобы порицать, не для того, чтобы возвеличить себя, мы предприняли пересмотр законов, но чтобы в возможной степени устранить не подходящее (*ἀσώμφορον*) к жизненным потребностям подданных». Об этом же, по существу, говорилось и в 95-й новелле: «Жизненные потребности (*χρεῖαι τῶν πραγμάτων παρέσχον νόμοις ὑπόστασις*) вызвали к жизни и древнейшие, появившиеся в свое время, законы. Именно к определенным случаям, встречающимся в жизни, обращена каждый раз мысль законодателя, которая изучением сущности этих явлений приводит к изданию законов». В той же 95-й новелле Лев писал, что при всяком казусе в жизненной практике он в первую очередь обращался к уже существовавшим законам и только в случае полного отсутствия соответствующих определений в старинных законах приходил к необходимости издания нового закона. Это совершенно понятно: незачем создавать новые формулировки, когда имелись уже налицо старинные, четкие, авторитетные. Но вместе с тем в 30-й новелле подчеркивалось: «Истинная забота об управлении государством требует, чтобы в случаях, если обнаружатся законы, не приносящие пользы для государства, были приняты меры для улучшения этих законов»⁸. Издавая Василики, правительство Льва и стремилось обнародовать именно такой «очищенный свод законов» (так, между прочим, называет Василики Вальсамон в комментарии на 2-й канон Трулльского собора). Но другой вопрос, как это было выполнено юристами Льва? Безусловно, Василики составлены были чрезвычайно небрежно, безответственно. Так, если согласно новелле Льва главы о курiales были выпущены, то во многих местах, где название декурiones встречалось в тексте других законов, это название сохранялось, хотя, конечно, для условий конца IX в. оно являлось явным анахронизмом»⁹. Но такова судьба всех сводов законов.

Многие положения Василек, действительно, ни в какой степени не могли быть применимы к условиям X в. В Василиках, например, часто упоминаются такие области, которые давно были вне власти византийского правительства. Но нужно отметить, что Византия никогда не мирилась с потерей провинций, захваченных арабами в VII в., и упоминание названий этих областей в официальном своде имперских законов могло объясняться и чисто политическими мотивами, подобными тем, в силу которых в титулатуре английских королей долгое время красовался титул Rex Franciae, даже тогда, когда никаких уже надежд на завоевание Франции у англи-

⁸ Ср. в 78-й новелле Льва VI: *μη πρὸς χρεῖαν τὰ πράγματα καθίστα τὸν νόμον... τοῦ νομίμου ἐδάφους τὸ περὶ τὸν ὑπεξαίρουντες*.

⁹ Однако в ряде случаев требуемые изменения в текст вносились; ср. Dig., 4, 2, 9, 1 и Basil., 10, 2, 9, где „in decurionibus vel aliis universitatibus“ переродилось в: „τὸ ἐπιστάματος...“. Ср. Zachariä von Lingenthal. Op. cit., p. 138.

чан не было. А. П. Каждан приводит как пример полного несоответствия существующим условиям разрешение совершать судопроизводство на латинском и греческом языках. Однако напрасно считать это анахронизмом: в конце IX в. под властью Византии еще находились территории в Южной Италии. Для Византии этого времени не был, кстати, анахронизмом и вопрос о *patria potestas*. В обыденной жизни вопрос о том, когда сын может начинать самостоятельное ведение хозяйства, когда отец перестает быть ответственным за действия сына, когда сын может заключать самостоятельно соглашения, не переставал иметь значение. Формулировка Василика была вполне применима к разрешению подобных вопросов. Не случайно же, что в вопросе о том, как и когда сыновья епископов могли считаться самостоятельными, церковное право ссылалось именно на Василики.

Многие законы при переводе на греческий язык получали другой смысл, нежели тот, какой имели при Юстиниане. Так, термин *fabricenses* в переводе $\chi\alpha\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ или $\tau\epsilon\chi\>\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ придал статье совсем другое значение: объект закона в значительной степени расширился и сделался применимым к широкой категории лиц в IX—X вв. (Basil., 45, 1, 57 = Cod. Just., VI, 62, 5 и Basil., 54, 17, 5 = Cod. Just., XI, 10, 5). Термин *cohortales*, понятный для людей VI в., был совершенно непонятен для общества IX в. Поэтому этот термин переводился словом $\epsilon\upsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, т. е. «простые люди»; это опять-таки было приспособлением закона к существующим условиям и значительно расширяло объект применения этой статьи закона (Basil., 45, 1, 61, scol. 2). Схолии к Василикам показывают, как относились юристы к тем статьям, которые как бы представляли анахронизм. В законе, например, написано об исаврах; комментаторы приравнивают это к апелятам-конокрадам (Basil., 60, 18, 29 = Cod. Just., 9, 12, 10). Статья Дигест 9, 2, 27, 9 о *servo solo* и о *villa*, трактующая об отношениях в деревне, в схолии превращается в чисто городскую статью о рабе в арендованной хлебопекарне (Basil., 60, 3, 27, scol. 23). Как указывает А. П. Каждан, в Пире даются ссылки на закон независимо от того, сохранились ли в действительности все те детали, которые существовали в момент издания закона (см., например, *Πεῖρα*, 51, 10 = Basil., 7, 1; *Πεῖρα*, 10, 1 = Basil., 8, 1, 5; *Πεῖρα*, 51, 7 = Basil., 7, 2). И это совершенно понятно; закон не теряет свою силу, если изменилась номенклатура должностных лиц или учреждений. Иногда комментаторы сознавали, что данный закон не соответствует действительности, но прибавляли: «Все же если нечто подобное случится, то следует применить указанное в законе» (Basil., 60, 46, 1, scol. 1). Очевидно, такими соображениями руководствовались и сами составители Василик. Комиссии, отбиравшие законы для свода, вовсе не интересовались, соответствует ли текст закона во всем условиям конца IX в., — их интересовало (или во всяком случае должно было интересоваться) только то, может ли данный закон в какой-то степени быть использованным в судопроизводстве.

Василики вовсе не были просто сборником старинных законов. Обнародование этого свода имело целью заставить общество соблюдать законы в духе тех норм права, которые признавались наилучшими. Поэтому при включении того или иного старинного закона указывалось, что «хотя это обычно и не соблюдается, но против того, кто нарушает положение данного закона, можно подать в суд жалобу на насилие». (См., например, Basil., 53, 6, 5 = Dig., 47, 10, 13, 7. — В данном случае речь идет о праве на рыбную ловлю, но характерен не самый казус, а отношение законодательства к фактам, обычно не вызывавшим в практике особых сомнений).

Стараясь доказать крайне ограниченное значение Василик, А. П. Ка-

ждан подсчитал количество ссылок, сделанных в Пире на отдельные книги этого свода, и утверждает, что использовались только те его книги, которые имели отношение к купле-продаже, залогу, ссуде и прочим имущественным сделкам. Но приведенная им таблица свидетельствует только о круге тех судебных вопросов, с которыми приходилось сталкиваться составителю Пире. Конечно, в эту таблицу вовсе не вошли ссылки на 53-ю книгу Василик, потому что данными вопросами занимался параталассит, функции которого никогда не входили в круг деятельности «магистра». Нет совершенно ссылок и на дела, связанные со строительством, так как это входило в функции городского эпарха.

Очень ясно ограниченность данных А. П. Каждана видна из сопоставлений его таблицы с таблицей, показывающей количество ссылок на разные книги Василик, сделанных комментаторами XII в. Зонарой, Аристином и Вальсамоном в толкованиях на семь вселенских и десять поместных соборов.

Книга Василик	Количество ссылок *	Книга Василик	Количество ссылок	Книга Василик	Количество ссылок
I	6	X	1	XXXI	1
II	2	XI	1	XXXII	1
III	32	XXI	8	XXXV	3
IV	16	XXII	3	XXXVII	2
V	22	XXIII	1	XLIV	1
VI	2	XXIV	1	XLV	2
VII	5	XXVIII	13	LX	22
VIII	2	XXIX	1		
IX	2				

* Если в одном и том же комментарии встречается несколько ссылок на одну и ту же книгу, то все они считаются за одну.

Полное несоответствие этих данных данным А. П. Каждана объясняется только тем, что вопросы, затрагиваемые Зонарой, Аристином и Вальсамоном, были иные, нежели рассматриваемые в Пире. Совершенно понятно, что на 19-ю книгу Василик комментаторы каноников не ссылаются вовсе, так как конфликты, возникавшие при купле-продаже, не разбирались канонистами. Но нельзя думать, что Зонара, Аристин и Вальсамон в своих комментариях занимались только теоретическими вопросами. Их рассуждения были чрезвычайно жизненными для людей того времени. Они касались таких вопросов, которые затрагивали повседневные интересы самых широких масс, а именно: вопросы семейного права, т. е. о разводе, об усыновлении, об узаконении брака, о положении семейств духовенства, о подсудности церковному суду, об отношении к еретикам и т. п. Как видно из комментариев, когда при решении всех этих церковных вопросов необходимо было считаться с действующим гражданским правом, ссылались именно на Василики¹⁰.

Остается сказать несколько слов о схолиях к Василикам. Тут прежде всего нужно отметить особый характер комментирования законов в Византии. Юстиниан запретил давать комментарии на законы: *Nemo audeat commentarios hisdem legibus annectare* (Cod. Just., I, 17, 2, 21). Разрешалось

¹⁰ Нужно отметить, что ссылки на Василики проникали через Аристина и в русское церковное право, в Коричную, где встречаются прямые ссылки на книги, «границы» и главы Василик.

только делать дословные переводы и примечания со ссылками на параллельные места из других частей Кодекса. Очевидно, Юстиниан боялся предоставлять местным юристам широкое право толковать законы. В Василики этот закон не включен, но схолии по традиции сохранили тот же характер, что и при Юстиниане. Ряд схолий никакого исторического значения не имеет — это как раз те схолии, которые приводят дословный текст юстиниановых законов; юристы, авторы таких схолий, очевидно, считали, что составители Василик извратили текст закона Юстиниана в данном месте, и потому для разъяснения приводили подлинный текст. Такие схолии имели целью разъяснить данный закон не в смысле его увязки с современностью, но в духе и по букве юстинианова права. Некоторые схолии имели целью примирить или разъяснить противоречия, встречающиеся в отдельных частях Василик. Такие схолии, безусловно, имели важное значение в юридической практике византийских судей. Ряд схолий приводил только параллельные места — такие схолии тоже имели значение для судей, так как по одному и тому же делу можно было использовать разные статьи закона. Конечно, такие схолии, которые разъясняли закон конкретными примерами, взятыми из Дигест, никакой исторической ценности не имеют. Иногда в схолиях юристы, стремясь блеснуть своим знанием юстиниановых книг, даже переводили греческие термины снова на латинский язык. Но в ряде случаев схолиасты ставили перед собой задачу показать тот или иной закон «в настоящее время», и такие схолии имеют для нас большое значение. Обычно в таких случаях схолия начинается со слов: «Знай, что...»; например: «Знай, что в настоящее время господам полагается от вольноотпущенников не треть имущества по завещанию, а четверть» (Basil., 28, 8, 61). Некоторые схолии содержат ссылки на последующие законы, которые отменили или видоизменили действие помещенных в Василиках положений, — эти сведения также, несомненно, могут быть использованы историками.

Все сказанное выше дает нам возможность сделать общий вывод о значении Василик как источника по внутренней истории Византии. Но предварительно отметим еще одно очевидное противоречие во взглядах А. П. Каждана по интересующей нас проблеме. А. П. Каждан считает, что из Василик можно сделать только один вывод: в Византии существовало товарное производство и обращение. Другими словами, по его мнению, Василики вообще не могут быть использованы как источник для характеристики византийского общества IX и последующих веков. И вместе с тем в конце своей статьи он говорит о том, что Василики являлись «мощным орудием», способствовавшим укреплению господствующего класса, конкретнее — содействовали укреплению феодальных общественных порядков. Совершенно ясно, что такое утверждение может иметь смысл только в том случае, если признать действительность тех прав, которые предоставлялись Василиками отдельным прослойкам общества, и, с другой стороны, тех ограничений, которые накладывались на трудящихся определенных разрядов. Но в таком случае как же можно не признать, что Василики являются одним из важнейших источников по изучению классовой борьбы в Византии?! Следует подчеркнуть, что из только что процитированного утверждения А. П. Каждана вытекает, кроме того, что анализ Василик может быть очень полезен и при изучении развития других явлений, связанных с «укреплением феодальных общественных порядков» в Византии.

Разумеется, использование Василик в качестве исторического источника должно быть сообразовано с их особенностями как средневекового юридического кодекса, оно неизбежно должно отличаться от использования таких памятников, как хроники или, скажем, хрисовулы.

На основании закона, изданного, может быть, еще во II в., нельзя говорить о наличии в Византии IX—X вв. какого-нибудь процесса, или явления, или факта (безразлично, экономического, политического или культурного). Мы не можем, например, на основании *Василик* констатировать, что в Византии существовал институт рабства. Но если мы из других источников знаем о существовании рабов в IX—X вв., то правовое положение их определялось действовавшим тогда правом. Мы не можем на основании *Василик* утверждать, что в Византии существовал тот или другой вид ремесла и торговли. Но если говорить о том, какие права имели торговые товарищества или ремесленные объединения, то это тоже можно выяснить только по действовавшему праву. Невозможно, разумеется, судить по *Василикам* о разорении и закрепощении византийского крестьянства¹¹, но для суждения о том, какие юридические возможности оформления зависимых отношений существовали в Византии, *Василики* дают немало материала (конечно, с учетом последующего законодательства).

Не может быть никаких сомнений, что *Василики* были основным документом права, действовавшего в Византии (особенно в городах и пригородах). Но действующее право является одним из тех рычагов, которые могут или способствовать развитию общества, или — если они отражают интересы реакционных прослоек — серьезно препятствовать общественному прогрессу. Без закрепления правом не может быть и речи о прочности тех или иных общественных институтов. Но в классовом обществе действующее право не могло быть таким монолитным, каким оно является в социалистическом обществе: юридические документы классового общества отражают интересы различных экономических, национальных, религиозных группировок и прослоек господствующего класса. Поэтому исторически сложившееся действующее право может внести элементы некоторого своеобразия в развитие того или иного общества. Именно в этом отношении изучение *Василик* представляет особую ценность: то обстоятельство, что в Византии процессы феодализации проходили в условиях действия римского права (в интерпретации *Василик*), не могло, понятно, не отразиться на своеобразии развития и на особенностях форм византийского феодализма.

При изучении классовой борьбы в византийском обществе мы не можем не учитывать данных о политических и имущественных правах трудящихся тех или иных прослоек: всякий вид юридического неправопорядка является одной из форм зависимости и средством эксплуатации.

Без изучения *Василик* мы не можем, в частности, понять, какие своеобразные формы принимала развивающаяся феодальная собственность в Византии.

¹¹ В Большой Советской Энциклопедии (т. 7, стр. 29) и в „Источниковедении истории средних веков“ А. Д. Люблинской (стр. 101 — глава написана Е. Э. Грах-стрем) безосновательно утверждается обратное.